

Из книги «Уверенность в вещах невидимых»

Глава 14

В поисках единства*

В этой беседе я хотел бы затронуть последнюю тему из этой серии о сомнении, непонимании, вопрошании в контексте того, о чем уже говорил не раз: мы живем в мире полумрака, но в нем сияет свет. С другой стороны, даже в этом свете нам не всегда удается различить то, что имеет абсолютное значение. Свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Ин 1:5): таков мир, в котором мы живем. Мне хотелось бы поговорить о проблеме Церкви и церквей, о христианстве и других верованиях, потому что это тоже предмет нашего вопрошания, порой сомнения, и для многих, безусловно, область полумрака. Но есть люди, для которых этой проблемы не существует: все проблемы для них разрешаются в убеждении, что православие — истина, вся истина и нет истины, нет знания Бога за его пределами, нет настоящей жизни в Боге или с Богом нигде кроме, как в православии. И те, кто придерживаются этой точки зрения, находят в ней опору, гарантию, уверенность в их собственном спасении.

Прошлый раз я приводил вам отрывок из письма диакона из Украины, в котором он выражает недоумение, как я не могу поверить в то, что только члены Православной церкви войдут в вечную жизнь. И я указал в прошлой беседе: на самом деле, это — вопрос понимания того, что значит принадлежать к Православной церкви. Взять и бездумно, неосмысленно заучить истины, изложенные в Символе веры и в писаниях духовных наставников православия, недостаточно для того, чтобы называться православным и исповедовать свою веру как православную. И тем более недостаточно провозглашать эти истины, если не живешь в их меру.

Теперь я оставляю этот вопрос в стороне (мы подробно останавливались на нем в прошлый раз) и перейду к проблеме разделения христиан. Сейчас самое время об этом подумать, потому что на прошлой неделе в Виндзоре проходило собрание представителей различных христианских Церквей, где нас представлял епископ Василий⁵⁴. Там обсуждались вопросы, которые могли бы оказаться скучным повторением многократно нами слышанного: что нас разделяет, что объединяет, какие существуют возможности для постепенного сближения, — если бы не наметилось нечто новое, если бы не произошло

---

* Беседа 13 июня 2002 г. См.: *Антоний, митрополит Сурожский. Уверенность в вещах невидимых. Последние беседы (2001–2002) / Пер. с англ. М.: Духовное наследие митрополита Антония: Никея, 2012. С. 220–237.*

⁵⁴ Василий (Осборн) — с 1993 по 2006 гг. викарный епископ Сурожской епархии.

наконец-то нечто наподобие перелома, прорыва. В конце заседаний участники встречи пришли к заключению, что обсуждать больше не имеет смысла: все положения пересмотрены и все пункты обговорены, а сдвига ни в чем не наблюдается, за исключением готовности некоторых групп людей (думаю, ошибочной) просто пожать плечами и сказать: «Какое значение имеют все эти декларации и все эти формулировки? Давайте объединимся, потому что мы все — ученики Христовы». В их подходе есть значительная доля истины, но этого недостаточно, и я хотел бы немного поговорить на эту тему.

До сих пор мы занимались обсуждением формулировок, которые разделяют наши Церкви, пытаясь убедиться, насколько они укоренены в Священном Писании, в первую очередь, в Евангелии, или в писаниях святых отцов и церковном Предании, но это всегда было сопоставлением утверждений одного относительно другого. Шаг вперед, который мне видится в сегодняшней ситуации, — это наша готовность идти дальше, разумеется, продолжая размышлять над утверждениями и продолжая ставить о них вопросы. И здесь я хочу сделать отступление.

Много лет тому назад проф. Л.А. Зандер, русский богослов и верный ученик о. Сергия Булгакова, живший в Париже, написал книгу⁵⁵, в которой, помимо прочего, рассматривает, каким образом произошел раскол между различными христианскими общинами, как они разошлись, отделились друг от друга, и что случилось потом. И то, как он это описывает, показалось мне особенно интересным и убедительным, когда вместе с В.Н. Лосским, о. Георгием Флоровским, о. Сергием Булгаковым, Н.А. Бердяевым и другими замечательными людьми я попал пятьдесят пять лет тому назад на экуменический съезд в Англии. Вот что Зандер пишет. Люди живут общей жизнью, пока они связаны взаимной любовью, взаимным уважением, взаимным интересом, — интересом к тому, как другой размышляет и как себя выражает. Но порой приходит момент, когда два человека начинают настолько по-разному выражать свой опыт, что перестают узнавать его в формулировках друг друга. Для начала они обсуждают, потом спорят, потом чувствуют, как расходятся все дальше и дальше, ведь чем дольше люди спорят, тем больше прибегают к умственным доводам, вместо того, чтобы говорить об опыте, глубоко укорененном в Самом Боге. И тогда к ним приходит сознание того, что они уже не составляют единого целого.

И тут Л.А. Зандер использует образ, который произвел на меня тогда очень большое впечатление: они поворачиваются друг к другу спиной и смотрят в противоположные

---

⁵⁵ Zander, L. *Vision and Action*. London, 1952.

стороны, и хотя продолжают ощущать соседа лопатками, оказываются беспредельно далеки, не видят друг друга и расходятся в бесконечность. Но со временем происходит несколько вещей. С одной стороны, их мысль созревает и оттачивается. Чем больше они спорят, тем больше стараются найти доводов, подтверждающих собственную точку зрения, тем больше создают формулировок, несовместимых со взглядами того, кто был, возможно, самым близким другом, и кто, по мере их взаимного расхождения, проходит те же этапы отчуждения. Постепенно формулировки застывают, каменеют. Их, разумеется, подкрепляют цитатами, их подкрепляют мнением уважаемых обеими сторонами людей до тех пор, пока сами по себе они не становятся предметом веры. Порой эти формулировки очень сложны и укоренены в философии своего времени (как это в значительной степени произошло с Католической и Православной церквями), порой они разнятся, потому что сложились на разных языках, или потому что одни и те же слова не всегда означают одно и то же. Порой формулировки оказываются связаны еще каким-то образом с философией того времени, в которое они возникли, и в результате философия начинает преобладать над непосредственным личным опытом верующих. И вот, двое друзей, у которых была одна вера, но которые порвали отношения и утратили единство, отдаляются и отдаляются друг от друга.

Со временем разделяющие их горечь и гнев рассеиваются, улечиваются, и приходит момент, когда они вспоминают о друге, с которым рассорились с такой резкостью, с такой страстью, с такой жестокостью и бесчувственностью, как о личности, как о том, кого любили, кем восхищались до той поры, пока не принялись спорить о философии и богословии. И они начинают понимать, что у них больше общего, чем им казалось, и задаются вопросом: не происходит ли то же самое с моим другом? Не думает ли он снова обо мне тепло, стараясь вспомнить то, что нас соединяло, а не то, что разделяло? Они оборачиваются назад, глядят вдаль и на горизонте видят бесформенную фигуру. Это их друг, но он слишком далеко, чтобы различить его черты. И тогда память о старой дружбе, любопытство и интерес заставляют их сближаться в надежде, что они смогут снова встретиться и задать друг другу вопрос: «Каким ты стал после того, как мы расстались? Что ты узнал о Боге, о себе, о тварном мире, о том, что было между нами общего и о том, что сделало нас чужими?» И по мере того, как они сближаются, бесформенная фигура приобретает очертания, в ней уже различается человек, они подходят еще ближе и, разглядев лицо, говорят: да, это мой друг, которого я так любил, с которым у меня было столько общего, но он постарел, изменился. Насколько он изменился? Что за отметины на его лице? Зло ли оставило свои следы? Страдания ли, глубокие ли думы избородили лоб морщинами, изменили выражение глаз с молодого и

сияющего, на глубокое и спокойное, изменили выражение лица, которое прежде говорило об уверенности в себе, ставшей причиной разделения, а теперь — о внимании, доброжелательном внимании? И, сойдясь, они оказываются лицом к лицу, и если смогут задать правильный вопрос, то у них появится возможность обрести единство. А вопрос такой: что ты узнал о Боге, о себе, о жизни, о Церкви с того момента, как мы разошлись? Не изобрел, не сформулировал, а понял в глубине своего существа о том, что имеет абсолютное значение: о Самом Боге, о себе по отношению к Нему, о своих собственных глубинах и о жизни, о тварном мире и его трагической судьбе, в которой разделенность и враждебность присутствуют, проявляются одновременно с жертвенной любовью Сына Божьего и святых, просиявших в разделенных Церквях.

Но мы по большей части рассуждаем с позиции разобщенности, и поэтому много-много лет назад я очень удивился, когда тот же профессор Л. А. Зандер написал статью, в которой он проводит параллели между святым Франциском Ассизским и преподобным Серафимом Саровским. Вглядываясь в святых Востока и Запада, мы обнаруживаем у них много общего, не обязательно в богословии, если они выражают свой опыт в богословских категориях, но в их знании Бога, в их вере в Бога, в их верности Богу. И сейчас, как мне кажется, мы подходим к моменту, когда можно будет сказать: «Да, мы разошлись, когда пустились в поиск, принялись ставить вопросы и давать на них ответы, которые не согласуются друг с другом, потому что коренятся в разном опыте, в разных языках, в разных философских воззрениях. Но теперь мы начали понимать язык друг друга, осознали, что разные философские системы, которые завораживали наших предков, были всего лишь человеческими попытками постижения, и что есть нечто большее — Божье откровение и жизнь в Боге. У нас появилась возможность ставить вопросы на новом уровне: что ты узнал о Боге, о себе, о созданном Богом мире, о таинстве спасения, об ужасе греха, об отчаянной разобщенности людей, за которых Христос отдал Свою жизнь. Он умер за меня, Он умер за тебя, а мы убиваем друг друга, пусть не всегда пулей или ножом, а словом: «В моем сердце нет для тебя места, в моем сердце ты мертв, как я мертв в твоём». Разве это совместимо с нашей верой во Христа, в Бога, Который стал Человеком, жил, учил, страдал, умер за каждого из нас?

Мы живем в период, быть может, только в начале периода, когда именно этот вопрос выходит на передний план. Философские взгляды прошлого отвергать не обязательно, но их нельзя брать за основу и мерило нашей веры. На смену логике, которой мы руководствовались в прошлом, должна придти другая логика — Божья логика, Божье видение, то как Он Сам являет нам мир и сообщает нам о нем, — через взаимную любовь, взаимное уважение, порой взаимное восхищение. Когда мы забываем о том, что нас

разделяют формулировки, и имеем дело с человеком, не задавая ему вопросов, просто с человеком, то какую глубину истины, какую подлинность мы обнаруживаем в нем! Именно к таким отношениям нам нужно стремиться, потому что в большей или меньшей степени мы все разделены из-за того, что не приобщены к Богу, не приобщены в Боге друг к другу и к тем, кто находится во вне.

Можно ли сказать, что только те, с кем у нас общий Символ веры, общие взгляды — Божьи люди? Нет. Если мы посмотрим на жизнь окружающих нас людей, то увидим, как много среди них тех, кто не разделяет наши взгляды и убеждения, но живет достойнее, чем мы. Я говорю о себе, я никого не оскорбляю, но сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из нас осмелился утверждать, будто мы живем в меру Бога, Которого исповедуем, будто поклоняемся Ему не только словами и жестами во время богослужений, но всеми поступками нашей жизни и всеми чувствами.

Я уже приводил вам пример офицера, который шесть раз выходил из укрытия для того, чтобы вынести раненных с поля боя. Его принесли в лазарет изрешеченного пулями. Он не был православным, но мог ли я, посмотрев на него, сказать: «А, еретик!»? Нет, потому что он от Самого Христа узнал, Кто Он такой и к чему нас призывает: любить вплоть до отдачи собственной жизни и собственной смерти ради спасения человека.

И то, что я говорю о наших христианских братьях (у меня нет времени останавливаться на разных конфессиях и примерах), имеет отношение к нехристианам. Я уже цитировал вам разговор, который состоялся у меня с Владимиром Николаевичем Лосским, когда я был еще очень молодым человеком. Он мне сказал, что подлинное знание Бога возможно только в православии. Я так не думал, потому что мои обстоятельства были другими: мне чаще приходилось жить среди неправославных, чем среди православных, я пришел в Церковь поздно, я любил и восхищался людьми, которые не имели отношения к православию, но не мог с ним спорить. Он — это был он, а я — никто. Я пошел домой, взял Упанишады, древнейшее сочинение индийской религии, выписал из него восемь цитат, вернулся к Лосскому и сказал: «Когда я читаю Отцов, то всегда выписываю отрывки, которые меня особенно поразили, и в конце указываю имя автора. Но вот восемь цитат, где я забыл проставить имена. Не узнаете ли Вы, кто из православных Отцов это сказал?» Он взял мой листок бумаги и за две минуты подписал имена великих духовных учителей православия: святого Василия Великого, святого Иоанна Златоуста, святого Симеона Нового Богослова и других. И когда он это сделал, я признался: «Владимир Николаевич, это — Упанишады». Он простил меня за обман, посмотрел на меня и сказал: «Я этого не знал. Мне нужно перечитать и продумать свое отношение».

Я приводил вам также пример с молодым офицером, который подошел ко мне и сказал, что он неверующий. Я ему ответил: «Тем хуже для вас». — «Но что у меня общего с Богом, чтобы интересоваться Им, не говоря уже о том, чтобы верить в Него?» Я спросил: «Вы во что-нибудь верите?» Он ответил: «Да, я верю в человека». Я сказал: «Это у вас общее с Богом. Но Бог верит в человека неизмеримо больше, чем вы, потому что Он создал человека, Он возлюбил человека до того, как тот появился на свет, Он Сам стал Человеком, чтобы спасти нас, когда мы отпали от Него, и умер на кресте ради нашего спасения. Так Бог заботится о человеке и любит его. А вы?» Он посмотрел на меня и сказал: «Я никогда об этом не задумывался. Мне нужно подумать». Не знаю, что с ним стало потом, но вот люди, у которых с Богом общим было нечто абсолютно центральное, потому что верить в человека настолько, чтобы отдать за него свою жизнь, как тот офицер, который выносил под пулями с поля боя раненых, или посвятить жизнь служению людям, как собирался другой молодой офицер, означает стать причастником таинства веры.

И это еще не все. У меня нет возможности говорить подробно, но мне хотелось бы указать на несколько моментов. Если то, о чем я говорил вначале, верно, если в результате падения мир, каким он был первоначально, исчез из опыта и в значительной степени из восприятия и сознания людей, то окружающая нас действительность уже не мир полноты сияющего света. Мы живем, как я уже много раз повторял, в полумраке. Люди стремятся вспомнить, как было прежде. Адам и Ева, оказавшись на земле, которая перестала быть раем, стремились вспомнить, каково было жить в мире, не знавшем греха, в мире, который был полностью приобщен к Богу, в котором Сам Бог был жизнью и реальностью. Они пытались вспомнить, описать, сохранить, передать свои воспоминания детям и последующим поколениям, но воспоминания стирались. То, что для Адама и Евы было смутным воспоминанием, для потомков — лишь пересказ того, о чем Адам и Ева им засвидетельствовали, и постепенно абсолютная ясность видения, которая даже у них начала утрачиваться, померкла. Есть старое присловье: природа не терпит пустоты. Там, где было невозможно вспомнить, там, где возникал пробел, который требовал заполнения, люди стали прибегать не к выдумке, но попытке вообразить, как было дело.

Если познакомиться с содержанием древних религий человечества, месопотамских, быть может, в первую очередь (это место, откуда Авраам отправился на поиски Бога), то мы обнаружим, что многое в них составлено из крупиц истины, которые несет, как щепки по реке, поток воображения. Этот поток воображения может течь по верному или ложному руслу, но все же в него вкраплены элементы истины. Порой кто-то неожиданно проявляет чуткость, утраченную остальными. В прошлый раз я приводил вам пример египетского фараона, который понял, что Бога нельзя назвать, что Его нельзя никаким

образом представить, и решил: единственное допустимое для Него сравнение — это солнце. Он верил в Бога невыразимого, но не непознаваемого. После смерти фараона его прозрение было забыто, но на мгновение, за полторы тысяч лет до рождения Христа, египетский фараон это почувал.

Я вам также упоминал об исчезнувшем в Средние века племени сибиряков, которые считали, что Богу нельзя дать имени, Бог свят, и поэтому, когда эти люди хотели на Него указать, они замолкали и поднимали руку к небесам в знак того, что говорится о Том, Чьего имени они не знают и даже, если бы знали, то не решились бы произнести.

То же можно сказать о философских взглядах и мировоззрениях, которые кажутся чуждыми христианству, чуждыми Евангелию и даже Ветхому Завету: в них присутствуют проблески правды, то там, то здесь обнаруживается крупинка или значительная доля истины, но заключенная в отвлеченные формы или рассуждения. И вот мы живем в период, когда можем посмотреть на наших братьев и сестер во Христе и сказать: «У нас общие корни, мы верим в одного Бога, Единого в Троице: Отца, Сына и Святого Духа. Мы рассуждаем об этих Трех Лицах в человеческих (я чуть было не сказал: убогих — убогих в сравнении с Самим Богом) категориях, и это нас разделяет. Давайте меньше говорить и больше жить в единстве с Богом, жить в Боге, жить для Бога, и постепенно мы придем к единству не на интеллектуальном уровне, а на уровне понимания и жизни».

И, взглядываясь в нехристианские религии, вместо того, чтобы пытаться обнаружить в них ошибки, мы должны задумываться и ставить вопросы: «Что в них от подлинного знания Бога, которое они выражают в категориях, зависящих от особенностей их культуры, от неполноты знания, от многих случайностей? Что нас делает братьями в Боге, Который для них (и для нас тоже!) не имеет имени?» Ведь когда мы говорим, что Бог Един в Троице, мы не называем Его по имени. Он, словно солнце, непостижим. Отцы тоже говорили о Сыне Божиим как о свете, который делает все видимым, о Святом Духе, как о тепле, которое все пронизывает и преображает. Но мы можем пойти дальше на основании того знания Бога, которое у нас имеется. Мы можем пойти дальше, если признаем, с одной стороны, что на интеллектуальном уровне невозможно выразить невыразимое, а с другой стороны, что наше призвание — жить согласно Евангелию, быть достойными Бога, быть с Ним за одно во всех Его путях. И тогда, живя согласно Божьей воле, мы станем подобными Ему и изнутри этого подобия начнем понимать и познавать Его так, как не знали и не понимали прежде.

На этом я закончу и, если не передумаю, в следующий раз завершу эту серию бесед тем, что скажу нечто об уверенности и о том, как нам жить этой уверенностью и учиться

уверенности в Боге, в себе, в своих ближних, в созданном Богом мире и жить уверенностью, которая есть Сам Бог.